

Шевчук Юлия Вадимовна

"КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ" И. Ф. АННЕНСКОГО И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. М. ЛОПАТИНА

В статье речь идет о влиянии философских взглядов Л. М. Лопатина на творчество поэта Серебряного века, символиста И. Ф. Анненского. Выдвигается предположение о том, что через антропологическую систему Лопатина, включающую в себя обширные знания ученого по истории мировой философии и психологии, были приведены в творческий порядок мировоззренческие установки Анненского-лирика. В статье в свете поставленной проблемы исследуется главный принцип художественной организации одного из самых известных и загадочных стихотворных сборников русского символизма ("Кипарисовый ларец").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 205-208. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

RECEPTION OF CHINESE CULTURE IN ELIAS CANETTI'S POETICS

Shastina Elena Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
shastina@rambler.ru

The author considers the reception of the Chinese culture, as represented in the poetics of Austrian writer and Nobel Prize winner Elias Canetti (1905-1994), which is related to programme character and can be traced at all levels of his creative works – from autobiographical texts, notes, essays to the novel –Auto-da-Fé”, and pays particular attention to the Chinese philosophy influence on Canetti's aesthetic views formation that influenced the originality of his poetics.

Key words and phrases: poetics; Chinese culture; Confucius; Confucianism; Chinese philosophy; myth.

УДК 82.01

Филологические науки

В статье речь идет о влиянии философских взглядов Л. М. Лопатина на творчество поэта Серебряного века, символиста И. Ф. Анненского. Выдвигается предположение о том, что через антропологическую систему Лопатина, включающую в себя обширные знания ученого по истории мировой философии и психологии, были приведены в творческий порядок мировоззренческие установки Анненского-лирика. В статье в свете поставленной проблемы исследуется главный принцип художественной организации одного из самых известных и загадочных стихотворных сборников русского символизма («Кипарисовый ларец»).

Ключевые слова и фразы: лиризм Анненского; итоговая книга стихов; учение динамического спиритуализма Лопатина; художественная философия.

Шевчук Юлия Вадимовна, к. филол. н.
Башкирский государственный университет
julyshvchuk@yandex.ru

**«КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ» И. Ф. АННЕНСКОГО
И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. М. ЛОПАТИНА ©**

Известный исследователь Г. В. Петрова предположила, что оказать существенное влияние на эстетические представления Анненского-драматурга и критика могли работы Л. М. Лопатина [9, с. 26, 72]. В свою очередь мы считаем возможным выдвинуть следующий тезис: с учетом влияния на мировоззрение поэта философских взглядов Льва Михайловича Лопатина было бы плодотворно интерпретировать итоговую книгу стихов Анненского «Кипарисовый ларец».

Лопатин (1855-1920) был одним из заметных мыслителей в культуре Серебряного века, философом и психологом. Он современник Анненского, друг В. Соловьева, долгое время редактор журнала «Вопросы философии и психологии», председатель Московского Психологического общества, главным трудом для ученого были «Положительные задачи философии» (основные положения диссертационного исследования Лопатин развивал в своих статьях по этике). Его лекции публиковались в журнале «Вопросы философии и психологии» на рубеже веков и особенно привлекли внимание Анненского. В письме П. П. Семенникову, написанном в апреле 1891 года, поэт сообщает: «Сам я за это время читал главным образом статьи философского содержания в этом новом Московском журнале Грота –«Вопр<осы> Филос<офии> и Психол<огии>». Много очень интересного, особенно по этике (Л. М. Лопатина)» [3, с. 125-126].

По-видимому, через систему Лопатина были приведены в творческий порядок философские установки Анненского-лирика, задумавшего в «Кипарисовом ларце» (1910) выразить духовный путь человечества и трагизм внутреннего мира современника, не ощущающего твердых нравственных основ и вынужденного выводить их самостоятельно, как бы повторяя пройденный людьми многовековой путь познания природы и самих себя. Переводя Еврипида и соединяя греческий миф с психологическим портретом современника, поэт решал масштабную задачу и в своей драматургии.

В статье «Теоретические основы сознательной нравственной жизни» (1890), одной из тех, о которых Анненский восторженно отзывался в вышеприведенном письме, Лопатин пишет: «Из того, что человек *может* возвыситься над своими влечениями, никак еще не вытекает, чтоб он всегда был над ними *возвышен*... Пока мы хотим одного, мы не хотим ничего противоположного; пока мы подчиняемся одному желанию, мы тем самым исключаем воздействие желаний с ним разногласящих. Чтоб остановить влияние какогонибудь мотива, нужно иногда очень большое внутреннее усилие, а откуда оно возьмется, если мы уже покорились мотиву? В этом – источник внутренней связности, которая существует и в нравственной жизни, как

во всякой другой, в этом и корень *трагизма* человеческого существования» [8, с. 49]. Переживание нравственности, попытка мучительной борьбы с природой, освещение пути переживания «идей» культурного человечества (в «Трилистниках») и внутренней борьбы отдельного, сложного и «сложенного», человека-творца («Складни») – вот главный динамический принцип развертывания художественной целостности под названием «Кипарисовый ларец», последняя часть которого («Разметанные листья») отражает попытку поэта наполнить стихи переживаниями, не успевшими еще стать чистым содержанием сознания и сохранившими «натурализм» жизненной ситуации («Нервы», «Прерывистые строки» и др.).

Напомним некоторые принципиальные положения «учения динамического спиритуализма» Лопатина, выделенные и более подробно рассмотренные исследовательницей П. П. Гайденко [5].

Во-первых, решение гносеологических вопросов у него ставилось в зависимость от понимания бытия, то есть от онтологии. Античная философия, с точки зрения мыслителя, не смогла возвыситься над метафизическим дуализмом (наряду с принципом единого Платон, Аристотель и др. допускали второе начало – материю, или беспредельное). Гегель, по его мнению, слишком отвлекся от действительности, его идеализм абстрактный. Бытие и мышление не тождественны, потому что действительность иррациональна, а процесс мышления имеет логический характер. Процесс мышления есть отношение мысли к чему-то другому, чем есть сама мысль. Поэтому мышление всегда предполагает некое созерцание, чувственное и сверхчувственное. Действительность бесконечно разносторонняя и динамичная, несущая в себе начало силы, тогда как рассудок односторонен. Это порождает диалектику субъективных и объективных построений, то есть диалектику познания и самого бытия. Субъективное понятие никогда не покрывает действительности, но объективная диалектика стремится охватить ряд состояний или моментов бытия, которые исключают друг друга, в то же время взаимно дополняются, неизбежно вытекают друг из друга в действительности (во всем, что движется и раскрывает свои силы, чему присуща деятельность). Таким образом, субъективная и объективная диалектика есть процессы, происходящие в нашем уме, по форме они одинаковы, от абстрактных односторонностей мысль переходит к их единству, различие между ними в том, что субъективная диалектика ничего реального не воспроизводит, она отражает деятельность самой мысли, а диалектика объективная есть воспроизведение в познании органического развития самого мирового процесса.

Мышление Анненского-художника, на наш взгляд, открыто диалектично. В «Трилистниках» реализуется принцип объективных построений, непосредственного прикосновения к вещам, результатом которого становятся интимно-личные переживания, сопряженные с «коллективными» представлениями об эмпирических началах мира (мифы, литературные образы, естественно-научные понятия); в «Складнях» – субъективных, вещественный мир в них предстает как содержание сознания лирического «я», действительность объектов здесь другого рода – они есть действительные факты культуры, на материале которых происходит самопознание субъекта, напряженность переживания как раз и создается ощущением присутствия культурного Другого в границах мыслящего «я». О постепенном переходе вещи из плана реальности в некий «принцип вещи», активизирующий в сознании мыслительную структуру, о переходе просто события в разряд «мирового события» Анненский специально не писал, но свое понимание явления выразил в некоторых попутных замечаниях. В лекциях по «Истории античной драмы», когда говорит о борьбе дорийцев с ионийцами, он разводит понятие вещи и эмблемы: «Обыкновенно случается, что в течение вековой борьбы племен или городов эти группы племен или города становятся как бы принципами или эмблемами» [1, с. 138]. В отличие от символа, эмблема заряжена не столько порождающим смысловым потенциалом, сколько сама является результатом порождения, точнее даже – «перерождения» чисто материальной субстанции в ее идеальную сущность, таким образом, эмблема – понятие временное, состояние вещи в момент перехода ее из состояния материалистического в символическое. К примеру, описывая гравюру А. С. Солоницкого «Последние дни жизни Н. В. Гоголя» (1852) и тем самым предваряя разговор о влиянии автора «Мертвых душ» на русскую литературу, Анненский хочет подчеркнуть, что для Гоголя вещи уже несли на себе интеллектуальное бремя предшествующей культуры: «На камине не столько вещь, как эмблема – часы, но, должно быть, уже с тонко звенящим, больше не державинским боем» [2, с. 225]. Напомним, что для Анненского идея «вещного» идеализма, явления «сокровенного» из «телесного» прочно связана именно с творчеством Гоголя, и в статье о нем «Эстетика «Мертвых душ» и ее наследье», написанной в 1909 году, в период интенсивной работы над композицией «Кипарисового ларца», автор, в сущности, представил чуть ли не самохарактеристику концепции итоговой книги стихов. Анненский пишет о «пятнах» у Гоголя и о том, что «в воспоминании о дороге и рождались... гениальнейшие из его *синтезов*» [Там же, с. 226]. Привлекает внимание само употребление слова «синтезов», допущенное автором, чтобы подчеркнуть важность именно интеллектуального путешествия Гоголя в поэме. Отметим, что в системе Лопатина диалектика объективных построений включает в действие три компонента: сознающего субъекта, сознаваемое им содержание и наблюдаемое вещество внешнего мира, то есть три слагаемых процесса познания. Диалектика субъективных построений основывается на двух компонентах – сознающем субъекте и содержании его собственного сознания. При первом подходе человек открыт «веществу» жизни, природе, при втором – он «сложен», замкнут, сосредоточен на «отражениях» действительных предметов и явлений внутри себя. В статьях Анненского принцип субъективного мироощущения связан с образом пещеры циклопа Полифема из «Одиссеи» Гомера и пещерой из «Государства» Платона.

Во-вторых, в философской системе Лопатина важна идея абсолютного творчества. Определяя характер логики, которой подчиняется иррациональная действительность, он вводит понятие «творческой причинности», в отличие от «причинности логической». Необходимость реальную философ называет творческой,

зависимой от творчества абсолютного начала. Творец (он и есть непостижимое абсолютное начало, Бог) творит творцов, поэтому целостное постижение реальности субъектом – это постижение ее с помощью мысли и художественного образа, а органическая диалектика, в отличие от логической, сродни художественному творчеству. Способность воображения Лопатин признает выше разума, называя ее «творческим разумом», стоящим на грани между сознанием и бессознательным. «...Непосредственный творческий ум богаче содержанием: его идеи невыразимы в своей полноте и жизненности, – он чувствует истину и там, где она не может быть уловлена в формулу, – в этом его изначальная, непобедимая сила. Его идеи часто нельзя высказать словом, не исказив и не опустошив их, – на них можно только намекнуть в символе или художественном образе» [7, с. 415]. Бессознательное богаче и полнее сознания и ума. Философия мыслится Лопатиным по аналогии с художественным творчеством.

Идея «стимулирования» искусством читательского творчества была близка Анненскому-филологу – он тщательно вникал в труды представителей психологической школы, прежде всего А. Потебни и Д. Овсяннико-Куликовского. В статье «Бальмонт-лирик» (1904) он рассуждает о неуловимости для человека истин и идей, о переживании их в процессе познания не только умом, но и чувством: «Содержание нашего я не только зыбко, но и неопределимо, и это делает людей, пристально его анализирующих, особенно если анализ их интуитивен, – так сказать, *фатальными мистиками*. <...> Для передачи этого я нужен более беглый язык намеков, недосказов, символов: тут нельзя ни понять всего, о чем догадываешься, ни объяснить всего, что прозреваешь или что болезненно в себе ощущаешь, но для чего в языке не найдешь и слова» [2, с. 101, 102]. В результате Анненский не комментирует магистральную идею своих произведений, в том числе и «Кипарисового ларца», и это вытекает из логики его понимания психологии творчества автора и его читателя. Известно, что Анненский критически высказывался даже по поводу образного членения поэзии, он писал: «Прежде всего – о метафоре – «поэтический образ». Если не говорить о чисто психических актах, то эту метафору надо прилагать к поэтическим явлениям с большими оговорками. <...> образ есть неотъемлемая и неизбежная (кажется) принадлежность живописи; он предполагает нечто конкретное и ограниченное, *обрезанное*» [Там же, с. 202].

В этой связи трудно согласиться с интерпретацией образа лирического героя, данной Л. Я. Гинзбург в одной из ее работ, посвященных поэзии Анненского: «Это человек с надорванной волей и развитой рефлексией – тем самым преемник фаланги «жишних людей» и современник чеховского интеллигента...» [6, с. 334].

В-третьих, в работах Лопатина звучит идея нравственного творчества. Нравственные законы даны человеку заранее, поэтому он мало думает об их логическом обосновании и оправдании. И это неправильно, ведь по своей природе люди – слабые существа (у них есть полное право на слабость), а это означает, что нравственность утверждается в каждом на основании творческого напряжения и личной ответственности. Человеку не следует приписывать абсолютную роль, следует помнить о его природной слабости. Главные вопросы для Лопатина – о свободе воли и внутреннем смысле добра. Задача, вставшая перед современниками, – укрепить и оправдать поколебленную веру в высшие требования добра и правды, и это будет определенное и нравственно-осмысленное мирозерцание. Инстинктивные двигатели нравственных действий присутствуют во всей одушевленной природе, в каждом чувствующем существе две силы – одна замыкает его в себе, делает его центром своего бытия, другая расширяет и обращает в служебное звено более обширной сферы действительности. Над человеком инстинкты теряют свое неограниченное могущество; если он им подчиняется, то делает это добровольно. Должно быть, Анненского в этических взглядах Лопатина привлекали утверждение естественности человеческой слабости и обреченность делать выбор – каждый раз, каждый век, и так до самого конца. Мотив «ничтожества» человека в лирике Анненского получает онтологическое звучание. В «Складнях» есть строки: «*Моей мечты бесследно минет день... / Как знать? А вдруг, с душой подвижной моря, / Другой поэт ее полюбит тень / В нетронутую-торжественную убору... / Полюбит, и узнает, и поймет, / И, увидав, что тень проснулась, дышит, – / Благословит немой ее полет / Среди людей, которые не слышат... // Пусть только бы в круженьи бытия / Не вышло так, что этот дух влюбленный, / Мой брат и маг, не оказался я / В ничтожестве слегка лишь подновленный*» [4, с. 144].

С философскими взглядами Лопатина в «Кипарисовом ларце» созвучен сам принцип отражения жизненного вещества как сцепленного множества, человеческое сознание выступает в качестве призмы, в которой происходит творческий синтез (подобное сравнение находим мы и в трудах ученого). О трагическом смысле образа призмы, за которой стоит человек, терпящий бедствие безверия в момент апофеоза ума, Анненский пишет в «Трилистнике победном»: «*Нажмешь ли устой ты последний – / Ни сжатых, ни рознятых рук, / Но радуги нету победней, / Чем радуга конченных мук!*...» [Там же, с. 103].

Итак, книга «Кипарисовый ларец» задумана автором как целостное художественное образование. Первые две части («Трилистники» и «Складни») соединены друг с другом эволюцией «идеализма» Анненского, поступательным движением от «пятен картин» [2, с. 226], возникающих в сознании автора-созерцателя в отдельных стихотворениях, к интеллектуальным синтезам (трилистники) и, наконец, к чистому Эросу искусства (складни). Такая ступенчатая композиция сборника во многом отразила связь духовных исканий Анненского с философией Платона. В критических работах последних лет жизни понятие «идеализма» в духе античности автор применил в связи с анализом творчества Гоголя. Анненский настаивал на важности идеи коллективного «мыслестрадания» не только в античной философии, но и в искусстве. Убедительной для нас является связь между композицией «Кипарисового ларца» и трилогической формой древнегреческой трагедии, введенной Эсхилом. Анненский отмечает, что «если в трилогии говорилось о преступлении, о трагической вине героя и неизбежности кары, то можно было посвятить первую трагедию объяснению причин

неизбежности вины героя, вторую – осуществлению этой вины, т.е. объекту трагического пафоса, и третью – процессу разрешения самой вины» [1, с. 146]. «Объяснению причин неизбежности вины героя» посвящены «Трилистники», осуществляется вина в «Складнях», а попытка ее разрешения предпринята в «Разметанных листах». Философия Лопатина, таким образом, была важна для поэта Анненского, прежде всего, потому, что человек, вокруг которого в ней выстраивалась система принципов и суждений, был на каждом конкретном историческом этапе наделен не только определенным типом мировоззрения, но и своего рода «вечным» лирическим самосознанием, естественной потребностью в переживании идей.

Список литературы

1. **Анненский И. Ф.** История античной драмы: курс лекций. СПб.: Гиперион, 2003. 416 с.
2. **Анненский И. Ф.** Книги отражений. М.: Наука, 1979. 679 с.
3. **Анненский И. Ф.** Письма: в 2 т. СПб.: Издательский дом «Галина скрипит»; Издательство им. Н. И. Новикова, 2007. Т. 1. 1879-1905. 480 с.
4. **Анненский И. Ф.** Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1990. 640 с.
5. **Гайденок П. П.** Диалектический процесс как отношение мысли к данности (учение «динамического спиритуализма») (Л. М. Лопатин) // Идеалистическая диалектика в XX столетии: критика мировоззренческих основ немарксистской диалектики. М.: Политиздат, 1987. С. 50-67.
6. **Гинзбург Л. Я.** О лирике. М. – Л.: Советский писатель, 1964. 382 с.
7. **Лопатин Л. М.** Положительные задачи философии. М.: Типолитография И. Н. Кушнеров и К°, 1911. Ч. 1. Область умозрительных вопросов. 436 с.
8. **Лопатин Л. М.** Теоретические основы нравственной жизни // Вопросы философии и психологии. М., 1890. № 5. С. 34-83.
9. **Петрова Г. В.** Творчество Иннокентия Анненского: учеб. пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 128 с.

“THE CYPRESS CHEST” BY I. F. ANNENSKII AND PHILOSOPHICAL VIEWS OF L. M. LOPATIN

Shevchuk Yuliya Vadimovna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University
julyshevchuk@yandex.ru

The author discusses the influence of L. M. Lopatin's philosophical views on the creative works of Silver Age poet, symbolist I. F. Annenskii, puts forward an assumption that through Lopatin's anthropological system, including scientist's broad knowledge on the history of world philosophy and psychology, the worldview attitudes of lyric poet Annenskii were brought into the creative order, and in the light of this problem studies the main principle of the artistic organization of one of the most famous and mysterious Russian Symbolist poetry collections (“The Cypress Chest”).

Key words and phrases: lyricism of Annenskii; final book of poems; Lopatin's dynamic spiritualism doctrine; artistic philosophy.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В статье устанавливается звукоизобразительная природа (иконичность) терминов немецкого языка, которые относятся к разным отраслям научного знания. Выявлено, что механизмом их образования является звукоподражательность (ономатопея): значения формируются на основе ассоциаций со звучаниями внешнего мира и звуками человеческого тела.

Ключевые слова и фразы: ономатопея; звукоподражательность; звукоизобразительность; научные термины; немецкий язык.

Шляхова Светлана Сергеевна, д-р филол. наук, доц.

Шестакова Ольга Валентиновна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

pr@pstu.ru; pr@pstu.ru

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА НЕМЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ[©]

Многочисленные фоносемантические исследования, проведенные на материале типологически разнородных языков, подтверждают наличие звукоизобразительности и ее важную роль в формировании и развитии слова, а также позволяют ставить вопрос о принципиальной иконичности, произвольности, мотивированности языкового знака (А. М. Газов-Гинзберг (1965), С. В. Воронин (1982), В. В. Левицкий (1969, 1973, 1994, 2009); А. Б. Михалёв (1999, 2006, 2007, 2008), Н. И. Ашмарин (1925, 1928), В. О. Скаличка (1967), А. П. Журавлев (19741, 1981),